

Сдержать Россию: Концептуальные основы комплексного сдерживания

Фальк Теттвайлер

*Европейский центр исследований в области безопасности
им. Джорджа Маршалла, Германия, <https://www.marshallcenter.org/>*

Аннотация: В статье рассмотрены основы концепции сдерживания, изложены условия успеха стратегий сдерживания и предложены идеи для выработки стратегий сдерживания России. Также изложен подход к поиску взаимосвязи между сдерживанием, обороной, готовностью и стойкостью. Успешное сдерживание определяется как достаточно эффективно организованный процесс коммуникации, влияющий на восприятие потенциального агрессора.

Ключевые слова: комплексное сдерживание, оборона, стойкость, НАТО, Европа, ЕС, региональная безопасность.

Исходные условия

После незаконной аннексии Крыма Россией в 2014 году сдерживание и оборона находятся в центре внимания НАТО.¹ Союзники думают над проблемами создания эффективного сдерживающего потенциала, способного противостоять ядерным, обычным, космическим и гибридным угрозам в Евроатлантике. Задачу сдерживания усложняют искусственный интеллект и другие новые технологии, включая автономные системы вооружений. Конкретные последствия этих новых технологических разработок пока неясны, но очевидно, что в настоящее время Россия представляет самую «главную

¹ “Deterrence and Defence,” NATO, December 10, 2025, по состоянию на 13 января 2026, www.nato.int/en/what-we-do/deterrence-and-defence/deterrence-and-defence.

и прямую угрозу безопасности союзников, а также миру и стабильности в евроатлантическом регионе».²

Чтобы отреагировать на действия России, предотвратить вооружённое нападение на членов Альянса, противодействовать инструментам влияния России и защитить территорию НАТО, члены НАТО договорились укрепить свои возможности в области сдерживания, обороны и стойкости. При этом НАТО фокусируется на сдерживании и обороне, рассматривая стойкость, как подфункцию и неотъемлемую часть этих двух составляющих.³ Диада сдерживания и обороны получила дальнейшее развитие в Концепции сдерживания и обороны евроатлантического региона (Concept for Deterrence and Defence of the Euro-Atlantic Area, DDA) НАТО 2020 года и последующих инициативах.⁴ На первый взгляд, усилия Альянса по укреплению обороноспособности и адаптации стратегических и региональных планов к новой угрозе выглядят хорошо проработанными. С другой стороны, концепция сдерживания НАТО в основном касается угрозы обычного, ядерного и кибернападения или их сочетания. Учитывая стратегический подход России и набор «активных мер» «рефлексивного управления», в дискуссиях на Западе часто именуемых «гибридными угрозами» или «нерегулярной войной», западная концепция сдерживания, похоже, отстаёт, по крайней мере частично, от развития политики безопасности.⁵

Как отмечено выше, сдерживание, будучи традиционной концепцией политики безопасности, тесно связано с НАТО. Однако в борьбе с нетрадиционными вызовами безопасности, включая «гибридные угрозы», важную роль могут играть и другие организации. Например, Европейский Союз предлагает правовую базу для тесного сотрудничества стран-участниц и накапливает опыт противодействия таким угрозам, как кибератаки, информационные манипуляции и вмешательство извне (foreign information manipulation and interference, FIMI) и терроризм.⁶

² “NATO 2022 Strategic Concept, Adopted by Heads of State and Government at the NATO Summit in Madrid, 29 June 2022,” 4, www.nato.int/content/dam/nato/web_ready/documents/publications-and-reports/strategic-concepts/2022/290622-strategic-concept.pdf.

³ NATO, “Deterrence and Defence.”

⁴ NATO, “Deterrence and Defence.” Более подробный обзор Концепции сдерживания и обороны НАТО можно найти в Stephen R. Covington, “NATO’s Concept for Deterrence and Defence of the Euro-Atlantic Area (DDA)”, Belfer Center for Science and International Affairs, Harvard Kennedy School, August 2, 2023, www.belfercenter.org/publication/natos-concept-deterrence-and-defence-euro-atlantic-area-dda.

⁵ О стратегическом подходе России см., например, Dmitry Adamsky, *The Russian Way of Deterrence: Strategic Culture, Coercion, and War* (Stanford University Press, 2024), 57ff.

⁶ Коротко об этом см. “Hybrid Threats,” European Council, www.consilium.europa.eu/en/policies/hybrid-threats/. Принципы борьбы с терроризмом в ЕС см. в “The EU’s Response to Terrorism,” European Council, www.consilium.europa.eu/en/policies/

Поскольку каждая организация по-своему интерпретирует концепции в зависимости от своей направленности и потребностей, важно достичь концептуальной ясности в отношении взаимосвязи между сдерживанием и стойкостью. Эта тема выходит за рамки нашего специального выпуска *Connections*, но всё же важно выделить ряд моментов. Как показано ниже, сдерживание – это стратегия предотвращения или избегания. Оно предотвращает действия, влияя на восприятие потенциального агрессора. Стойкость, напротив, можно назвать активной стратегией преодоления трудностей, применяемой постфактум. Таким образом, понятие стойкости включает активное влияние на изменения, тогда как цель сдерживания – сохранение статус-кво.⁷ Если в НАТО считают стойкость «первой линией сдерживания и обороны»,⁸ то это означает стойкость всей зоны ответственности (сдерживание и оборона), где с обороной связана лишь небольшая часть элементов стойкости, в основном касающихся (гражданской) готовности.⁹

На рисунке ниже представлена попытка систематизировать элементы, позволяющие объекту или системе выжить и справиться с ударами, адаптироваться к новым условиям и трансформироваться для решения возникающих проблем (что и представляет собой стойкость),¹⁰ а также показана возможная взаимосвязь между готовностью, сдерживанием, обороной и стойкостью.

Как уже упоминалось, этот специальный выпуск *Connections* посвящён концепции сдерживания. Его статьи стали итогом активных дискуссий на трёхнедельном семинаре в Европейском центре исследований в области безопасности им. Дж. Маршалла в феврале 2025 года с участием ряда выпускников Центра Маршалла. Главными его целями были глубокое изучение концептуальных основ сдерживания, как «сложного и многогранного явления», и анализ его применимости к текущей стратегической ситуации и

fight-against-terrorism/. В этом выпуске *Connections* Райтис Тиликс глубоко анализирует комплексную охрану границ ЕС в качестве примера борьбы с нелегальной миграцией и рассматривает сильные и слабые стороны подхода ЕС.

⁷ Stephen L. Quackenbush, “Deterrence Theory: Where Do We Stand?” *Review of International Studies* 37, no. 2 (2011): 741-762, 741, <https://doi.org/10.1017/S0260210510000896>.

⁸ NATO, “Deterrence and Defence.”

⁹ См. “Resilience, Civil Preparedness and Article 3,” NATO, updated November 13, 2024, <https://www.nato.int/en/what-we-do/deterrence-and-defence/resilience-civil-preparedness-and-article-3>.

¹⁰ Такой взгляд на стойкость соответствует нынешнему пониманию ЕС, с его акцентом на трансформационный аспект стойкости. См. European Commission, “2025 Strategic Foresight Report – Resilience 2.0: Empowering the EU to Thrive Amid Turbulence and Uncertainty,” Communication from the Commission to the European Parliament and the Council COM(2025) 484 final, September 9, 2025, 2, https://commission.europa.eu/publications/strategic-foresight-report-2025_en.

новым вызовам.¹¹ Отправной точкой всех обсуждений стало понимание того, что доминирующей переменной в сдерживании является восприятие.¹² Поэтому сдерживание должно быть адаптировано к конкретному игроку – в случае евроатлантического региона, к России.¹³

Стойкость

Рис. 1: Стойкость.

Концептуальные основы политики безопасности

Концепция сдерживания появилась в дискуссиях о политике безопасности после Второй мировой войны¹⁴ и прямо связана с разработкой ядерного оружия и его стратегическим эффектом.¹⁵ До 1945 года стратеги изучали пути победы в войнах на основе достижений техники, а после него главной целью сторонников сдерживания стало предотвращение ядерной войны и

¹¹ Michael J. Mazarr, "Understanding Deterrence," в *NL ARMS Netherlands Annual Review of Military Studies 2020: Deterrence in the 21st Century – Insights from Theory and Practice*, ed. Frans Osinga, Tim Sweijts (The Hague: T.M.C. Asser Press, 2021), 27, https://doi.org/10.1007/978-94-6265-419-8_2.

¹² Mazarr, "Understanding Deterrence," 21.

¹³ Mazarr, "Understanding Deterrence," 23.

¹⁴ Существует масса литературы о сдерживании. Хороший краткий обзор развития теории сдерживания даёт Amir Lupovici, "The Emerging Fourth Wave of Deterrence Theory – Toward a New Research Agenda," *International Studies Quarterly* 54, no. 3 (2010): 705-732, 706-708, <https://doi.org/10.1111/j.1468-2478.2010.00606.x>.

¹⁵ Lupovici, "The Emerging Fourth Wave of Deterrence Theory," 706.

её последствий.¹⁶ Поэтому в центре внимания всегда был ядерный компонент сдерживания. Обсуждение обычного сдерживания началось позже.¹⁷ Независимо от используемых средств – ядерных или обычных – цель сдерживания состоит в сохранении статус-кво.¹⁸ Шеллинг называет сдерживание «теорией умелого неприменения военной силы».¹⁹

Ключевым элементом сдерживания является воздействие на восприятие потенциального агрессора с целью убедить его «в том, что в собственных интересах ему следует избегать определённых действий».²⁰ Таким образом, сдерживание – это особый способ коммуникации в конфликтных или стратегических ситуациях, где «наилучший образ действий каждого игрока зависит от действий других игроков».²¹ Цель этого коммуникативного процесса – повлиять на потенциального агрессора, вызвав у него «страх последствий».²² По мнению некоторых сторонников теории сдерживания, этого можно достичь, либо «лишив потенциального агрессора уверенности в достижении своих целей», либо угрожая ему «суровым наказанием, таким, как ядерная эскалация или жёсткие экономические санкции», в случае нападения,²³ но при изучении механизма сдерживания различие между

¹⁶ Полный обзор понятий ядерной войны, баланса страха, возможности нанесения первого и второго удара, управления эскалацией и ограниченной войны см. в Lawrence Freedman, "Introduction – The Evolution of Deterrence Strategy and Research," *NL ARMS Netherlands Annual Review of Military Studies 2020*, 3-6, https://doi.org/10.1007/978-94-6265-419-8_1. Ранние взгляды на теорию сдерживания можно найти в Bernard Brodie, "The Anatomy of Deterrence," RAND Research Memorandum RM-2218 (Santa Monica, CA: RAND Corporation, 1958), www.rand.org/pubs/research_memoranda/RM2218.html.

¹⁷ Freedman, "Introduction – The Evolution of Deterrence Strategy and Research," 5f; или John J. Mearsheimer, *Conventional Deterrence* (Ithaca, NY: Cornell University Press, 1983).

¹⁸ Quackenbush, "Deterrence Theory: Where Do We Stand?" 741.

¹⁹ Thomas C. Schelling, *The Strategy of Conflict* (Harvard University Press, 1979), 9. В другой публикации Шеллинг рассматривает применение силы, как инструмент торгов, который можно использовать для влияния на действия населения или власти. См. Thomas C. Schelling, *Arms and Influence* (Yale University Press, 2020), 2. Применение силы и насилия для влияния на решения противника также является частью незападного стратегического мышления, например, в России – см. Adam-sky, *The Russian Way of Deterrence*. Широкий обзор вариантов применения силы см. в Mearsheimer, *Conventional Deterrence*, 28ff.

²⁰ Schelling, *The Strategy of Conflict*, 9.

²¹ Schelling, *The Strategy of Conflict*, 1.

²² См., например, Mearsheimer, *Conventional Deterrence*, 23; Lupovici, "The Emerging Fourth Wave of Deterrence Theory," 716; Quackenbush, "Deterrence Theory: Where Do We Stand?", 741; или Freedman, "Introduction – The Evolution of Deterrence Strategy and Research," 2.

²³ Mazarr, "Understanding Deterrence," 15.

сдерживанием путём недопущения и сдерживанием путём наказания второстепенно.²⁴

Как указано выше, ключевыми элементами сдерживания являются восприятие и страх последствий. Согласно концепции сдерживания, именно субъективное ожидание противником (элемент восприятия) серьёзного ущерба в случае совершения некоторых действий заставляет его воздержаться от таких действий, независимо от того, будет ли ущерб причинён во время действий (логика сдерживания путём недопущения) или после них (логика сдерживания путём наказания). Существует широкий спектр возможных угроз, способных сдержать агрессора. Безусловно, упомянутые выше жёсткие экономические санкции и ядерная эскалация представляют собой две точки на континууме применимых средств. Страх потерять международную репутацию или оттолкнуть зарубежных партнёров тоже может заставить противника воздержаться от определённых действий.²⁵ Однако самым мощным устрашителем является военная сила, ядерная или обычная. Согласно Шеллингу, «способность причинять вред можно отнести к числу наиболее впечатляющих качеств военной силы».²⁶ Угроза применения силы для нанесения ущерба может считаться необходимым условием эффективного сдерживания.

Хотя применение стратегии сдерживания подразумевает угрозу противнику ввиду перспективы серьёзного ущерба, эта концепция обычно считается оборонительной, поскольку она нацелена на сохранение статус-кво. В контексте холодной войны, согласно Броди, «философия сдерживания ... учитывает громадное культурное сопротивление в Америке нанесению первого удара при угрозе тотальной войны».²⁷ Фридман видит ценность сдерживания, как концепции, не столько в его «надёжности или эффективности как стратегии, ... сколько в присущей ему нормативной привлекательности».²⁸ Согласно Фридману, сдерживание «предполагает готовность к

²⁴ Однако «недопущение» и «наказание» нужны для теоретического определения возможных мотивов бездействия противника. Они также важны для реализации стратегии сдерживания и теоретического понимания реальности угрозы, как функции готовности и возможностей. О взаимосвязи сдерживания и военной стратегии см. Mearsheimer, *Conventional Deterrence*, 28ff.

²⁵ В этом контексте первоначально использовался термин «самосдерживание». См. TV Paul, "Self-Deterrence: Nuclear Weapons and the Enduring Credibility Challenge," *International Journal: Canada's Journal of Global Policy Analysis* 71, no. 1 (2016): 20-40, p. 20, <https://doi.org/10.1177/0020702015618682>.

²⁶ Schelling, *Arms and Influence*, 2. Способность причинить ущерб можно считать расширением традиционных задач вооружённых сил. Традиционные задачи включают захват или удержание территории, а также уничтожение или нейтрализацию войск противника.

²⁷ Brodie, "The Anatomy of Deterrence," 2.

²⁸ Freedman, "Introduction – The Evolution of Deterrence Strategy and Research," 1. Эффективность стратегий сдерживания и объяснительная сила теории сдержи-

обороне без проявления слабости. Оно направлено на предотвращение агрессии, не будучи агрессивным».²⁹

Условия успешного сдерживания

Стратегический посыл – «страх последствий»

Сдерживание кажется довольно простой концепцией, но для его эффективности необходимо соблюдение ряда условий. Прежде всего, как отмечено выше, сдерживание – это особый вид коммуникации между участниками стратегической ситуации. Для успешной коммуникации при сдерживании стороны прежде всего должны понимать противоречия между их стратегическими интересами. Это может выглядеть очевидным, но общее понимание сторонами социальной ситуации важно для предотвращения недоразумений. Сторонам также необходимо выработать общий набор сигналов и общий опыт, позволяющий им представить последствия действий, о которых сигнализирует противник.³⁰ Это позволяет шире взглянуть на идею Шеллинга о сдерживании, как об «умелом неприменении военной силы». Потенциальный агрессор должен понимать, какой вред может причинить военная сила в случае нежелательных действий. Такое понимание может основываться на собственном опыте, на фотографиях, рассказах и т.д. о применении силы и его возможных последствиях. Это особенно важно при появлении новых вооружений, таких, как атомная бомба в конце Второй мировой или беспилотные системы, способные произвести революцию в военном деле в будущем.³¹

Способность и решимость

Чтобы дать представление о возможных последствиях, защищающийся должен продемонстрировать способность причинить вред и решимость это сделать.³² Большинство сторонников теории сдерживания считают эти два фактора главными, поскольку они делают угрозу реальной, при успешной их коммуникации. Это могло работать во время Холодной войны, когда сдерживание полностью принималось как устоявшийся социальный кон-

вания давно изучены. См., например, Lupovici, "The Emerging Fourth Wave of Deterrence Theory", 706f, или Quackenbush, "Deterrence Theory: Where Do We Stand?".

²⁹ Freedman, "Introduction – The Evolution of Deterrence Strategy and Research," 1.

³⁰ Теория коммуникации называет это «интерсубъективностью» или «интерсубъективным контекстом». См., например, Lupovici, "The Emerging Fourth Wave of Deterrence Theory," 711.

³¹ Это противоречит идее «классической теории структурного сдерживания», предполагающей, что некие системы вооружений – в данном случае ядерное оружие – сами по себе являются сдерживающим фактором. Подробнее см., например, Frank C. Zagare, "Classical Deterrence Theory: A Critical Assessment," *International Interactions* 21, no. 4 (1996): 365-387, <https://doi.org/10.1080/03050629608434873>.

³² Lupovici, "The Emerging Fourth Wave of Deterrence Theory," 709.

структ в отношениях между НАТО и странами Варшавского договора.³³ В нынешнем конфликте России с Западом как минимум остаётся неясным, выполняются ли ещё требования успешной коммуникации между сторонами.³⁴

Общие интересы

Даже исходя из предположения о наличии вышеупомянутых предпосылок, сдерживание всё равно не работает автоматически. Шеллинг утверждает, что «способность причинить вред – это инструмент торгов». ³⁵ Минимальным требованием для торга, а значит, и для сдерживания, является наличие у всех партнёров хоть каких-то общих интересов во время конфликта. ³⁶ Поэтому в игре с одним победителем, «кто кого», когда победитель получает всё, а проигравший всё теряет, и нет места для компромисса, сдерживание не работает. ³⁷ При этом стороны, считающие, что ведут экзистенциальную борьбу, скорее всего, будут стратегически готовы биться «не на жизнь, а на смерть». Сдержать такого игрока очень сложно.

Сдерживание касается игроков, и не их действий

При обсуждении политики безопасности наблюдается тенденция рассматривать сдерживание, как средство противодействия возникающим вызовам, или «любой новой угрозе безопасности». ³⁸ Однако некоторые эксперты в области безопасности скептически относятся к возможности предотвращения всех потенциальных действий. ³⁹ Вместо фокуса на общих

³³ О сдерживании, как «социальном конструкте», см. Lupovici, “The Emerging Fourth Wave of Deterrence Theory,” 706. О своеобразии сдерживания в период Холодной войны в целом см. Lupovici, “The Emerging Fourth Wave of Deterrence Theory,” 713.

³⁴ В ходе свободного обсуждения в Центре Дж. Маршалла в феврале 2025 года представитель НАТО прямо говорил об опасности эскалации конфликта с Россией, поскольку Россия, по-видимому, не понимает сигналов, которые НАТО использует для её сдерживания. Российские официальные лица, похоже, разделяли эту обеспокоенность накануне вторжения России в Украину. См. пресс-релиз МИД РФ о предложенном проекте договора: «О российских проектах документов по обеспечению правовых гарантий безопасности со стороны США и НАТО. Сообщение для СМИ», 17.12.2021, https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1790809/.

³⁵ Schelling, *Arms and Influence*, 2.

³⁶ Schelling, *The Strategy of Conflict*, 11; Schelling, *Arms and Influence*, 1. О торгах см. Schelling, *The Strategy of Conflict*, 21ff. Концептуальные соображения и ограничения классической теории сдерживания и теории совершенного сдерживания см. Quackenbush, “Deterrence Theory: Where Do We Stand?” 761f. Здесь Квакенбуш ставит под сомнение посыл классической теории сдерживания о том, что вооружённый конфликт является наименее худшим исходом для всех стратегических игроков, и поэтому предотвращение вооружённого конфликта само по себе является общим интересом.

³⁷ Schelling, *The Strategy of Conflict*, 11.

³⁸ Freedman, “Introduction – The Evolution of Deterrence Strategy and Research,” 1.

³⁹ Freedman, “Introduction – The Evolution of Deterrence Strategy and Research,” 1; Lupovici, “The Emerging Fourth Wave of Deterrence Theory,” 718f.

действиях, потенциально успешные стратегии сдерживания должны учитывать особенности игроков, поскольку сдерживание зависит от его субъективного восприятия потенциальным агрессором. Меры сдерживания тоже должны быть адаптированы к конкретной ситуации. В этой связи Миршаймер подчёркивает прямую связь между (обычным) сдерживанием и военной стратегией.⁴⁰ Он анализирует шансы сдержать потенциального агрессора в зависимости от стратегии наступления агрессора – блицкриг, истощение или стратегия с ограниченными целями – и действий защитника.⁴¹ Чем выше субъективные издержки по отношению к полученной выгоде, тем выше шансы на успешное сдерживание. В этой логике, дорогостоящую стратегию истощения, направленную на разгром армии врага в решающей победе, сдержать легче, чем стратегию блицкрига с той же целью. С другой стороны, военные действия с ограниченными целями – например, оккупации части территории противника внезапным нападением до того, как обороняющаяся сторона сможет использовать большую часть своих войск – вряд ли удастся предотвратить. При этом трудно оценить, на какие жертвы готов пойти агрессор. Поэтому даже стратегию истощения в определённой ситуации может быть сложно сдержать. Агрессор также может пытаться провести блицкриг, но в итоге будет вынужден вести войну на истощение. Хорошим примером этого стала неудачная попытка российского блицкрига в Украине в феврале 2022 года и последовавшая за ней война на истощение. Сдержатъ действия, менее затратные, чем вооружённое нападение, включая большинство так называемых «гибридных угроз», тоже непросто. В частности, некоторые из них сложно обнаружить и, следовательно, трудно «наказать» (при отрицании); в случае диверсий приходится сдерживать не такие страны, как Россия, а «одноразовых»⁴² агентов, совершающих эти действия на условиях «сдельщины».⁴³

Стратегические интересы России

Стратегии сдерживания должны быть адаптированы к стратегии потенциального агрессора – для Европы это Россия. Стратегия Москвы зависит от

⁴⁰ Mearsheimer, *Conventional Deterrence*, 28f. Можно утверждать, что аргументация Миршаймера не ограничивается обычным сдерживанием. В настоящее время порог применения ядерного оружия представляется очень высоким. Поэтому его использование, скорее всего, ограничивается ситуациями, критическими для существования государства. Тем не менее ядерная угроза всегда присутствует. В этом выпуске Меги Беня анализирует российскую ядерную риторику в продолжающейся войне России против Украины.

⁴¹ Mearsheimer, *Conventional Deterrence*, 28ff.

⁴² Elisabeth Braw, "Gig Model of Russian Subversion Is a Nightmare for Western Intelligence Services," *Politico*, June 2, 2025, <https://www.politico.eu/article/gig-model-russian-subversion-nightmare-western-intelligence-shopping/>.

⁴³ См., например, Daniela Richterova et al., "Russian Sabotage in the Gig-Economy Era," *The RUSI Journal* 169, no. 5 (2024): 10-21, <https://doi.org/10.1080/03071847.2024.2401232>.

восприятия ею текущей ситуации, её намерений и возможностей, а также от её готовности рисковать и нести издержки. Большинство этих элементов в настоящее время не определены. На рисунке ниже показаны потенциальные конечные результаты, желаемые для России, которые могут послужить основой для сценариев разработки адаптированной стратегии сдерживания.

Потенциальные желаемые конечные результаты для России

Рис. 2: Потенциальные желаемые конечные результаты для России.

Как мы уже сказали, для более глубокого изучения концепции сдерживания Европейский центр исследований в области безопасности им. Дж. Маршалла в феврале 2025 года организовал «Лабораторию будущего», посвящённую комплексному интегрированному сдерживанию. За три недели специалисты по безопасности из девяти стран подготовили научные статьи о различных аспектах и подходах к сдерживанию нынешней России с позиций своих стран. Избранные статьи с этого мероприятия были доработаны и включены в этот специальный выпуск.

В статье «Знать врага: Понимание конечных глобальных политических целей России» Гинтарас Багдонас утверждает, что война России против Украины важна прежде всего для попыток России восстановить свою имперскую мощь и изменить нынешний мировой порядок, и цели конфликта не ограничиваются Украиной. С этой точки зрения, Россия демонстрирует последовательную стратегию в дипломатической, информационной, военной и экономической сферах.

В статье «Сдерживание страхом: Ядерная риторика России и война в Украине» Меги Беня анализирует стратегическую культуру России и утверждает, что ядерная риторика Кремля в 2022-2024 гг. смешивает понятия сдерживания и принуждения, используя такие сигналы, чтобы повлиять на

общественное мнение и помешать принятию решений Западом. Она исследует стратегические последствия, включая риски просчётов, размывание норм и вызовы для стратегии сдерживания НАТО.

В статье «Восстановление неядерного сдерживания в НАТО: Уроки Холодной войны применительно к угрозе со стороны современной России» Камиль Собчик фокусируется на неядерном сдерживании и сравнивает нынешнюю ситуацию с временами Холодной войны. Он считает, что неядерного сдерживания НАТО на восточном фланге недостаточно для решения этой задачи, и выступает за ускоренную трансформацию НАТО, включая наращивание сил быстрого реагирования, улучшение материально-технического обеспечения и стабильный рост капиталовложений в оборону.

За этими более концептуальными работами следует ряд тематических исследований.

В статье Анки Анеску «Сдерживание гибридной войны: Подходы НАТО к российским диверсиям» рассматриваются варианты сдерживания гибридных угроз при особом внимании к диверсиям. Она утверждает, что НАТО может эффективно сдерживать диверсии и другие гибридные угрозы только при помощи механизмов комплексного сдерживания, включая совершенствование обмена разведданными, повышение стойкости инфраструктуры и внедрение упреждающей обороны силами всего общества.

В своей статье «Комплексная охрана границ как потенциальная мера сдерживания на северо-восточном фланге НАТО и Шенгенской зоны» Райтис Тиликс рассматривает способы противодействия и сдерживания использования Россией и Беларусью нелегальной миграции в качестве оружия против других европейских стран. Он приходит к выводу, что нынешняя политика НАТО и ЕС недостаточна с точки зрения стратегических концепций и оперативной ясности. В ответ обе организации в лице своих стран-участниц должны рассмотреть пример солидарности, решительности и социальной стойкости своих северо-восточных членов.

В статье «Усиление потенциала сдерживания Молдовы: Опора на стойкость страны и общества в борьбе с российской дезинформацией и манипуляциями» Виталие Армашу рассматривает пример Молдовы по противодействию враждебному влиянию России, особенно в контексте выборов в Молдове 2025 года. Более тонкое и глубокое понимание её информационных атак поможет молдавским политикам выработать эффективные контрмеры и адекватно реагировать на инциденты.

В фокусе этого специального выпуска – Россия, но ограничение перспективы европейским театром неизбежно привело бы к игнорированию критически важных внешних факторов и соображений. Поэтому Фаузия Чемпака Тимур завершает этот выпуск статьёй «Тень России над Глобальным Югом: Сдерживание и влияние в Юго-Восточной Азии». Она рассматривает операции России по сдерживанию и влиянию на Глобальном Юге и анализирует реакцию стран АСЕАН, включая защиту от рисков, отмечая при этом, как

ограниченные экономические возможности России и растущая зависимость от партнёрства с Китаем ограничивают её привлекательность.

В целом, читатели, интересующиеся подходами отдельных стран, регионов и международных организаций к сдерживанию, найдут здесь много полезного для решения теоретических и практических задач успешного сдерживания России.

Примечание

Мнения, выводы, заключения и рекомендации в данной публикации принадлежат автору и могут не отражать официальную политику или позицию Консорциума «Партнёрство ради мира», организаций-участниц и любых правительственных или международных организаций, связанных с его руководящими структурами.

Об авторе

Подполковник Бундесвера **Фальк Теттвайлер** – военный преподаватель Колледжа исследований международной безопасности при Европейском центре исследований в области безопасности им. Джорджа Маршалла. Находясь на военной службе, он был советником по безопасности в Федеральной академии политики безопасности в Берлине, военным научным сотрудником Немецкого института международных отношений и безопасности, а также занимал различные должности в Министерстве обороны ФРГ. Сфера его компетенции включает стратегическое мышление, операции влияния, гибридные угрозы и стойкость.

Библиография

- "Deterrence and Defence," NATO, December 10, 2025, accessed January 13, 2026, <https://www.nato.int/en/what-we-do/deterrence-and-defence/deterrence-and-defence>.
- "Hybrid Threats," European Council, accessed January 23, 2026, <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/hybrid-threats/>.
- "NATO 2022 Strategic Concept, Adopted by Heads of State and Government at the NATO Summit in Madrid, 29 June 2022," 4, <https://www.nato.int/content/dam/nato/webready/documents/publications-and-reports/strategic-concepts/2022/290622-strategic-concept.pdf>.
- "Press Release on Russian Draft Documents on Legal Security Guarantees from the United States and NATO," December 17, 2021, https://www.mid.ru/en/foreign_policy/news/1790809/.
- "Resilience, Civil Preparedness and Article 3," NATO, updated November 13, 2024, <https://www.nato.int/en/what-we-do/deterrence-and-defence/resilience-civil-preparedness-and-article-3>.
- "The EU's Response to Terrorism," European Council, accessed January 23, 2026, <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/fight-against-terrorism/>.
- Adamsky, Dmitry, *The Russian Way of Deterrence: Strategic Culture, Coercion, and War* (Stanford University Press, 2024).
- Braw, Elisabeth, "Gig Model of Russian Subversion Is a Nightmare for Western Intelligence Services," *Politico*, June 2, 2025, <https://www.politico.eu/article/gig-model-russian-subversion-nightmare-western-intelligence-shopping/>.
- Brodie, Bernard, "The Anatomy of Deterrence," RAND Research Memorandum RM-2218 (Santa Monica, CA: RAND Corporation, 1958), https://www.rand.org/pubs/research_memoranda/RM2218.html.
- Covington, Stephen R., "*NATO's Concept for Deterrence and Defence of the Euro-Atlantic Area (DDA)*," Belfer Center for Science and International Affairs, Harvard Kennedy School, August 2, 2023, <https://www.belfercenter.org/publication/natos-concept-deterrence-and-defence-euro-atlantic-area-dda>.
- European Commission, "2025 Strategic Foresight Report – Resilience 2.0: Empowering the EU to Thrive Amid Turbulence and Uncertainty," Communication from the Commission to the European Parliament and the Council COM(2025) 484 final, September 9, 2025, 2, https://commission.europa.eu/publications/strategic-foresight-report-2025_en.
- Freedman, Lawrence, "Introduction – The Evolution of Deterrence Strategy and Research," in *NL ARMS Netherlands Annual Review of Military Studies 2020*, 1-10, https://doi.org/10.1007/978-94-6265-419-8_1.

- Lupovici, Amir, "The Emerging Fourth Wave of Deterrence Theory – Toward a New Research Agenda," *International Studies Quarterly* 54, no. 3 (2010): 705-732, <https://doi.org/10.1111/j.1468-2478.2010.00606.x>.
- Mazarr, Michael J., "Understanding Deterrence," in *NL ARMS Netherlands Annual Review of Military Studies 2020: Deterrence in the 21st Century – Insights from Theory and Practice*, ed. Frans Osinga and Tim Sweijts (The Hague: T.M.C. Asser Press, 2021), 13-28, https://doi.org/10.1007/978-94-6265-419-8_2.
- Mearsheimer, John J., *Conventional Deterrence* (Ithaca, NY: Cornell University Press, 1983).
- Paul, TV, "Self-Deterrence: Nuclear Weapons and the Enduring Credibility Challenge," *International Journal: Canada's Journal of Global Policy Analysis* 71, no. 1 (2016): 20-40, <https://doi.org/10.1177/0020702015618682>.
- Quackenbush, Stephen L., "Deterrence Theory: Where Do We Stand?" *Review of International Studies* 37, no. 2 (2011): 741-762, <https://doi.org/10.1017/S0260210510000896>.
- Richterova, Daniela, et al., "Russian Sabotage in the Gig-Economy Era," *The RUSI Journal* 169, no. 5 (2024): 10-21, <https://doi.org/10.1080/03071847.2024.2401232>.
- Schelling, Thomas C., *Arms and Influence* (Yale University Press, 2020).
- Schelling, Thomas C., *The Strategy of Conflict* (Harvard University Press, 1979).
- Zagare, Frank C., "Classical Deterrence Theory: A Critical Assessment," *International Interactions* 21, no. 4 (1996): 365-387, <https://doi.org/10.1080/03050629608434873>.